

воположныхъ движеній въ душѣ человѣческой, и ярко развертывалъ передъ зрителями эту картину. Въ этомъ именно свойствѣ игры Щепкина я вижу основную особенность, характернѣйшую живую сущность, или, какъ сказалъ бы Бѣлинскій, „паѳосъ“ щепкинскаго творчества. Всѣ разсмотрѣнные выше отдѣльные элементы его игры обуславливались этой основной чертой его творчества. Онъ стремился углублять порывы вдохновенія настойчивымъ и тщательнымъ анализомъ роли именно потому, что онъ былъ прежде всего художникъ-психологъ, и въ качествѣ такового онъ всегда чувствовалъ глубокую и сложную психологическую проблему тамъ, гдѣ иной артистъ свелъ бы все къ бурнымъ взрывамъ страсти. Онъ придавалъ второстепенное значеніе подчеркиванію наружныхъ особенностей изображаемаго лица потому, что и характерныя отмѣтки въ гримѣ и характерныя внѣшнія тики всегда отмѣняютъ какія-нибудь устойчивыя, постоянныя, неподвижныя черты характера и сами служатъ для нихъ разъ навсегда застывшей вывѣской, а между тѣмъ Щепкинъ считалъ гораздо болѣе важнымъ изучать и художественно изображать то, что движется, измѣняется, борется въ душѣ человѣка. Щепкинъ на сценѣ былъ поэтомъ душевной динамики, а не душевной статики, и потому вѣчно измѣняющіеся переливы интонацій онъ считалъ болѣе могущественнымъ орудіемъ сценическаго творчества, нежели детально разработанную гримировку или изощренное изобрѣтеніе всевозможныхъ тиковъ. Наконецъ, тѣсное сплетеніе драматическихъ и комическихъ душевныхъ движеній естественно связывалось съ представленіемъ о многогранности души человѣческой.

Здѣсь мы и подходимъ къ тому, что, на мой взглядъ, составляло истинное новаторство Щепкина, какъ актера-реалиста. Выработка естественной повадки на сценѣ была очень важнымъ шагомъ въ прогрессъ сценическаго реализма, но это было лишь одной, такъ сказать *технической* стороной задачи. За нею выдвигалась другая, я бы сказалъ, *психологическая* сторона ея. Правдивость изображенія должна состоять не только въ его внѣшнемъ правдоподобіи, но и въ его внутренней полнотѣ; актеръ долженъ изображать не отдѣльную черту и не отдѣльныя черты даннаго лица, а цѣльный организмъ его души въ